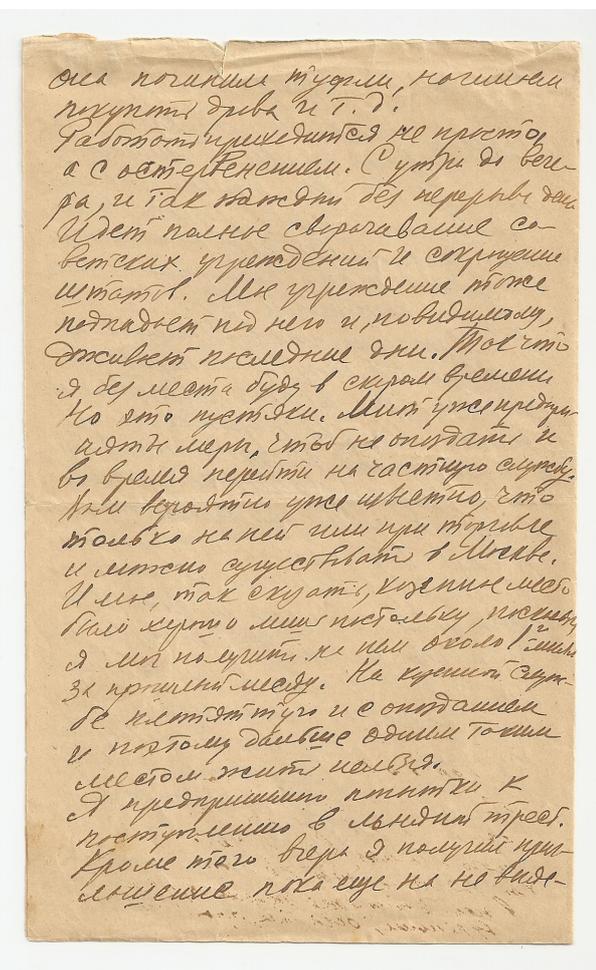
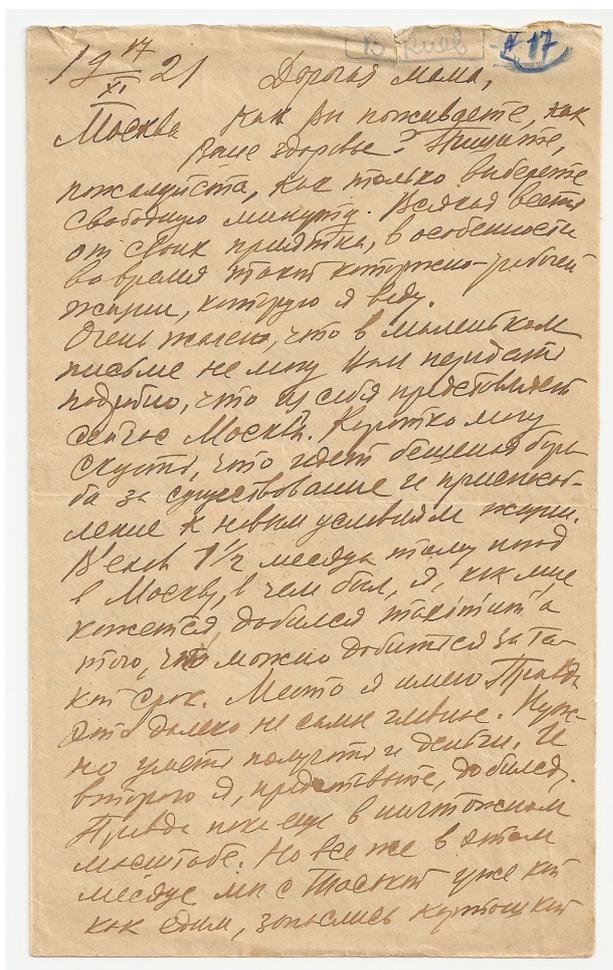
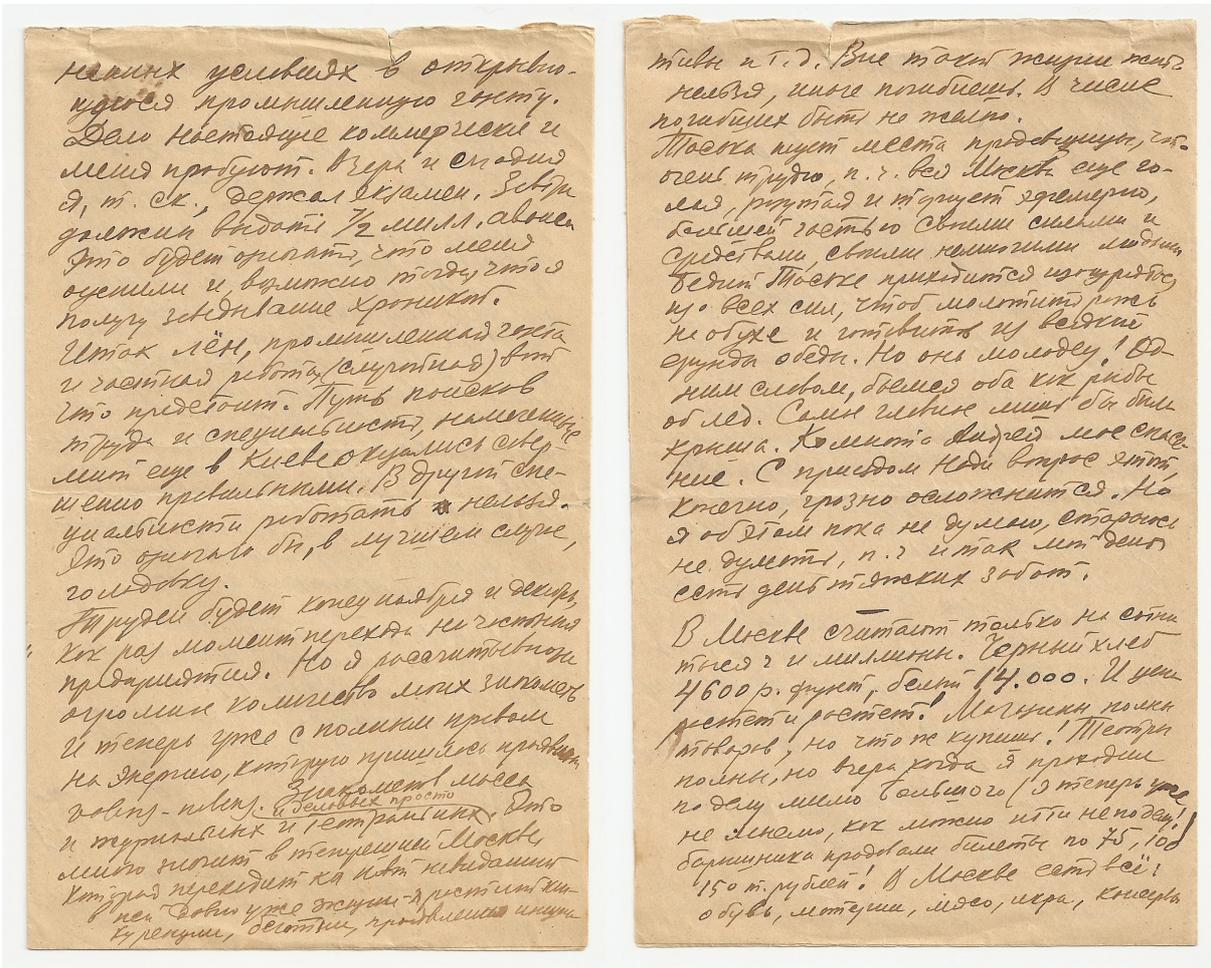


«В числе погибших быть не желаю», - це рядки з листа М. Булгакова до матері, написані 100 років тому.



13 листопада на «Журфіксі у Булгакових» було представлено оригінал цього листа М. Булгакова до матері. Лист датовано 17 листопада 1921 року. Це був найскрутніший період життя подружжя Булгакових у Москві. Немає теплового одягу, взуття. Працевлаштування не є вирішеним питанням, до того ж, щоб отримувати заробітну платню, «треба мати особливий хист»! Запасуються картоплею та дровами. Але мають прагнення вижити, а Михайл навіть грандіозні творчі плани та задуми... Але в державі немає навіть паперу для листів! М. Булгаков пише на бланках Телеграфного Агенства (Роста).

Оригінал листа тепер зберігається в архіві нашого музею. 4 аркуші, 8 сторінок швидкого розгонистого почерку. Зберігався цей лист на Андріївському узвозі, 38. Потрапив до Надєжди Булгакової-Земської тому, що вона отримала Записку



(свого роду Рекомендованого листа) від лікаря Воскресенського, якому надала притулок у своїй московській квартирі у вересні 1940 року:

«Дорогая Серафима Николаевна!

Дайте возможность предъявительнице сего – одной из сестер бывших Булгаковых – пересмотреть все мои бумаги, бывшие в письменном столе и конторке, и библиотеку и взять все, что понадобится.

Дело в том, что среди моих бумаг и библиотеки находятся предметы, которые интересны для семьи б. Булгаковых – именно бумаги и переписка покойной Варвары Михайловны, моей первой жены, их матери.

Пишу это в Москве при возвращении из поездки в Сочи-Мацесту. Собирался лично заехать в Киев, но не смог

15/IX 40 Крепко всех целую
Ваш И. Воскресенский»

На обороте:

«Серафиме Николаевне Подлесной»

До речі, Записка теж зберігається в нашому архіві.

месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. д. Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день.

Идет полное сворачивание советских учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже подпадает под него и, по-видимому, доживает последние дни. Так что я без места буду в скором времени. Но это пустяки. Мной уже предприняты меры, чтоб не опоздать и вовремя перейти на частную службу. Вам, вероятно, уже известно, что только на ней или при торговле и можно существовать в Москве. И мое, так сказать, казенное место было хорошо лишь постольку, поскольку я мог получить на нем около 1-го милл. за прошлый месяц. На казенной службе платят туго и с опозданием, и поэтому дальше одним таким местом жить нельзя.

Я предпринимаю попытки к поступлению в льняной трест. Кроме того, вчера я получил приглашение пока еще на невыясненных условиях в открывающуюся промышленную газету. Дело настоящее коммерческое, и меня пробуют. Вчера и сегодня я, т. ск., держал экзамен. Завтра должны выдать $\frac{1}{2}$ милл. аванса. Это будет означать, что меня оценили, и возможно тогда, что я получу заведывание хроникой. Итак, лен, промышленная газета и частная работа (случайная), вот что предстоит. Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными. В другой специальности работать нельзя. Это означало бы, в лучшем случае, голодовку.

Труден будет конец ноября и декабрь, как раз момент перехода на частные предприятия. Но я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить *volens-polens*. Знакомств масса и журнальных и театральных и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д.

Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю.

Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п. ч. вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно, большей частью своими силами и средствами, своими немногими людьми. Бедной Таське приходится изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыбы об лед. Самое главное, лишь бы была крыша. Комната Андрея мое спасение. С приездом Нади вопрос этот, конечно, грозно осложнится. Но я об этом пока не думаю, стараюсь не думать, п. ч. и так мой день есть день тяжких забот.

* * *

В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы. Черный хлеб 4600 р. фунт, белый 14 000. И цена растёт и растёт! Магазины полны товаров, но что ж купишь! Театры полны, но вчера, когда я проходил по делу мимо Большого (я теперь уже не мыслю, как можно идти не по делу!), барышники продавали билеты по 75, 100, 150 т. руб.! В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы, все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна. Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам. Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель. Но авось! Лишь бы комната и здоровье!

* * *

Не знаю, интересно ли Вам столь подробное описание Москвы и достаточно ли оно понятно для вас, киевлян. Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою *idée-fixe*. А заключается она в том, чтоб в 3 года восстановить норму — квартиру, одежду и книги. Удастся ли — увидим. Не буду писать, п. ч. Вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров. Такова школа жизни. По ночам урывками пишу «Записки земск. вр.». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! Вот что больно для меня!

Наде

Просьба, передайте Наде (не в силах писать отдельно — сплю!) — нужен весь материал для исторической драмы — все, что касается Николая и Распутина в период 16-й 17-го годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, а больше всего «Дневник» Пуришкевича до зарезу! Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д. Она поймет. Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года.

Наде

Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно. В Москве нет «Дневника». Просите Надю достать, во что бы то ни стало! Если это письмо застанет ее перед отъездом, прошу ее привезти материал с собой. Если ж она остается в Киеве, подождать Рождества и приезда Коли Гладыревского, скопить материал и прислать с ним. А может, и раньше будет верная оказия.

* * *

Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если «Дневник» попадет в руки ей временно, прошу немедленно теперь же списать дословно из

него все, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пур. Николаю, личности Николая Михайловича, и послать мне в письмах (я думаю, можно? Озаглавив «Материал драмы»?). Может, это и неловко, просить ее обременять этим, но она поймет. В Румянцевском музее нет комплектов газет 17 г.!! Очень прошу.

* * *

Дядя Коля и дядя Миша здоровы, живут хорошо. Лилю ни разу не видел. Земск. хорошо.

Целую Вас, дорогая мама, крепко. Тася также.

Всех целуем. Михаил.

P.S. Самым моим приятным воспоминанием за последнее время является — угадайте, что? Как я спал у Вас на диване и пил чай с французскими булками. Дорого бы дал, чтоб хоть на два дня опять так лечь, напившись чаю, и ни о чем не думать, Так сильно устал.

* * *

Ивана Павловича целую крепко.

Косте: пора написать письмо!

Пишите по адресу: Садовая 10 кв. 50.»

Российское Телеграфное Агентство (Роста).
ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ВЫРЕЗОК

№ 192 г.
под'отдел рубр. *Надв.* подрубр. экз.
7610-1204

Уже готова каталожная карточка и т.п. Меньше меня ухаживать берешься. В Москве нет, «Дневник» «Прогресс» не до достать, в Петербурге то ни стало! Если это не будет звать ее, пишу ей письмо и материю с собой. Если же она останется в Ките, подождем Рождество, пригласим материю и прислать с ней. А материю и рублие. Будет верная опция.

Конечно при т.п. из сушующих ра-
боте, которую я веду, мне никогда
не удастся написать, никуда идти.
Но дороги хотеть мести и ра-
бота над ней. Если «Дневник»
придет в руки ей временно
отвезти материю т.п. спи-
сать из него все, что касается
убийства с граммофоном, заго-
вор Феликса и Пуришкевича, докладов
Пур. Николаю, личности Николая
Михайловича и пригласить

В письмах (я думаю можно?)
озаглавив «Материал драмы».
Может это и неловко просить,
ее обременять этим, но она
поймет. В Румянцевском му-
зее нет комплектов газет 17 г.!!
Очень прошу.

Дядя Коля и дядя Миша здо-
ровы, живут хорошо. Лилю
ни разу не видел. Земск. хорошо.
Целую Вас, дорогая ма-
ма, крепко. Тася также
Всех целуем Михаил

P.S. Самым моим приятным
воспоминанием за последнее
время является, угадайте, что?
Как я спал у Вас на диване
и пил чай с французскими бул-
ками. Дорого бы дал, чтоб
хоть на два дня опять так
лечь, напившись чаю,
и ни о чем не думать. Так
сильно устал.
Ивана Павловича целую крепко
Косте:
пора написать письмо!
Пишите по адресу: Садовая 10
кв. 50.